

Александр Хвостов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Отпусти любовь с улыбкой

Александр Владимирович Хвостов

Отпусти любовь с улыбкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48882774

SelfPub; 2021

Аннотация

Девушку-старшеклассницу предал её парень, изменив с другой. О своём горе девушка рассказала маме. Та делится своим жизненным опытом и убеждает дочь простить молодого человека. Содержит нецензурную брань.

Александр Хвостов

Отпусти любовь с улыбкой

Если жизнь тебя обманет,

Не печалься и не злись!

В день уныния – смирись,

День веселья – верь, настанет!

А. С. Пушкин.

Однажды вечером, придя с работы, я не встретила на пороге моей дочери Лизы. Надо сказать, что такого никогда не было, потому что Лиза обычно всегда меня встречала, целовала при встрече, забирала сумки с покупками... А тут на тебе – тишина, словно всё вымерло! Почуя запах, вероятно, не так давно приготовленного ужина, я поняла, что Лиза дома. Да и не в её характере в вечернее время где-то ходить. «Может, ужин приготовила, прилегла да и уснула?» – думаю себе. Решив не голосить на всю квартиру, я поставила портфель с ноутбуком на пуф, разделась и прошла в спальню Лизы.

– Лиза, зайка мой любимый, ты спишь? – спросила я, войдя. Лиза не спала, но когда она ко мне повернулась, я увидела её красивые, светло-голубые глаза, полные грусти; точно чистое небо вдруг обложило огромными, тяжёлыми подушками туч, которые, того гляди, свалятся тебе на голову.

– Здравствуй, моя девочка! – сказала я, сев на постель,

обняв и поцеловав её. Дочь мне ответила вялым поцелуем. – Что с тобой, милая? Ты не заболела?

– Если бы я заболела – то была бы повеселее, – грустно иронизируя, сказала мне Лиза. – Меня Валик Воробьёв предал. И не просто предал, а ещё и оскорбил меня, извалял в грязи...

Тут слова Лизы прервались плачем. Я обняла мою ласточку и стала гладить её по спине. Валентин Воробьёв – это одноклассник Лизы и первая её любовь, вполне красивый, остроумный и, как я думала, воспитанный юноша. И потому слова Лизы о его предательстве и оскорблении вызвали у меня лёгкий шок.

– И как это произошло? – спросила я дочь.

– Всё начиналось с прошлого воскресенья, когда мы с Валиком хотели пойти в парк гулять, – начала Лиза, собравшись с силами. – А я тогда слегла с головной болью. Помнишь, ты ещё мне неотложку вызывала? – Я покачала головой. – Я тогда позвонила ему и предупредила, что плохо себя чувствую – и не смогу прийти. Валик мне ответил, что сочувствует и что он бы сам не смог вырваться, потому что родители к друзьям на пикник уехали, а он остался за бабушкой присмотреть. – Лиза снова сделала короткую паузу, после которой продолжила свой рассказ. – А вечером мне позвонила Сашка Звонарёва. Слово за слово, я поведала ей про свои дела и прибавила:

– Валик тоже дома скучает.

На что Сашка ответила:

– Милая моя, видели мы с Лёнькой, как скучал!

– В смысле? – не поняв, спросила я.

– Да он с Ленкой Филатовой из 10-го А на катке круги нарезал, – сказала Сашка.

– Не может быть! – не верю я. – Он же сам говорил, что родители уехали на пикник, а его оставили за бабушкой приглядывать.

– Лизка, ты думаешь, я тебе вру? – спросила Сашка. – Да он с ней не только катался, но целовался без всякого стыда – и им было весьма нескучно вместе. Полюбуйся! – и на мобильник мне прилетела ММС, где Валик целуется с Филатовой. Это раздавило меня...

Лиза снова на мгновение всплакнула, но, овладев собой, продолжила:

– Какая сволочь! – невольно выдала я, забыв о Саше.

– Ты обо мне? – спросила она.

– Ой, прости, родная! – опомнившись, говорю ей я. – Я не тебя имела в виду. – И ты тоже прости меня, если сделала больно, – сказала Саша.

– Я на тебя не сержусь, – сказала я и мы простились. Сегодня я разговаривала с Валиком обо всём этом... На что слышала:

– Девочка моя, а с какой стати я должен тебе что-либо объяснять? Да и вообще, неужели ты думаешь, что я тебя люблю? Вот дура! Тоже мне, Татьяна Ларина! Да я тебе лишь

подыгрывал, видя твой интерес ко мне. А на самом деле – ты мне до фонаря, как и твои книги и умные разговоры. Ты на себя в зеркало взгляни: вся воспитанная, хорошенькая, умненькая... Прямо-таки юная послушница! Зато с Ленкой можно свободно и целоваться, сколько влезет, и кое-что другое себе позволить, благо, у неё всё, что надо, на месте. А тебя такую не то что в постель затащить, а просто если кто поцелует – его тут же вырвет от твоего воспитания...

Я влепила ему по морде и убежала в туалет, где и ревела всю перемену. После чего попросила Ирку Караваеву сказать англичанке, что заболела и ушла домой. – Так кончился печальный рассказ моей бедной девочки. Припав к моей груди, она тихонько заплакала. Я с нежностью и любовью гладила её по спине, целовала в макушку... мы сидели молча. Лиза быстро успокоилась (что было одной из черт её характера). Вытерев слёзы, она мне сказала:

– Мамуль, прости, я очень устала – и хочу лечь поспать.

– Хорошо, котёнок, отдыхай! – сказала я ей. Уложив дочь в кровать и чмокнув её на ночь, я покинула её спальню.

С того вечера прошли несколько дней. Всё это время я, насколько могла, наблюдала за Лизой, за её настроением, за её аппетитом и так далее. И в разное время суток я могла видеть разную картину: скажем, утром это была улыбчивая, ласковая, говорливая девчужка, с охотой наворачивающая люби-

мые сырники с вареньем или драники со сметаной и болтающая с тобой, например, о планах на воскресенье или на лето, а вечером это была какая-то угрюмая личность. И слова от такой не добьёшься, даже если перевернёшь её вверх тормашками и будешь трясти за ноги. И тут я понимаю одно: Лиза ещё страдает по Валентину – и здесь чисто бабским разговором делу не помочь. Тут следует поговорить с дочерью, сочетая в своём лице и маму, и психолога. В воскресенье, если будет погода, поедem в парк гулять! А то я сама уже почти посерела, мотаясь из дома в кабинет и обратно. Вот погуляем – а там и поговорим серьёзно!

Боженька будто бы услышал мои мольбы о погоде на воскресенье: день был солнечный и более-мене тёплый для зимы. Так что после завтрака, который в этот благословенный день начинается не столь рано, мы с Лизкой уехали в парк! Как там хорошо! Ребяшня с горок летает, снежками пуляется, замки и снеговиков лепит... Да и родители к этому бывают равнодушны иногда. Порой даже не ясно, кто больше удовольствия от игры получает.

Но вернёмся к нашим персонам! Гуляя по парку, я спросила у Лизы, что с ней происходит?

– Ты знаешь, мама, – отвечает дочь, – мне очень плохо... И плохо оттого, что я изо дня в день встречаюсь с парнем, которого я ещё люблю, но который меня предал, променял на эту безмозглую, говорящую куклу Филатову. Словом, повёл себя, как подонок! Не прощу ему этого никогда!!! Пове-

ришь ли, самым болезненным ударом для меня бывает момент, когда я их нечаянно застаю за поцелуем. Впечатление, что они нарочно выбирают такой момент, чтобы я увидела – и мне стало бы больней. Итог – я улетаю в туалет и там реву. Скажи, что в этой Филатовой такого... чем она лучше меня?

– А ты чем лучше? – спросила я Лизу.

– Не поняла, – сказала удивлённая дочь, не ожидавшая такого поворота от меня.

– Да элементарно! – говорю ей я. – Вот, например, ты только что назвала Филатову безмозглой куклой – по сути, сама оскорбила соперницу, да ещё за глаза; разве это может характеризовать тебя хорошо?

– Да ты её видела? – возразила Лиза. – Она же ничего, кроме модных и гламурных журналов не читает, с ней даже про фантастику не поговорить; а, скажем, из музыки она слушает Билана, Губина, Лазорева, «Корней» и «Зверей». Честное слово, она чуть ли не сходит с ума от счастья, когда или слышит кого-то из них, или говорит о них.

– А с тобой разве не так бывает, когда по радио поёт Агутин, Газманов или Леонидов? – спросила я дочь. Лизка притихла, видя очевидный факт, что она тоже светится, услышав голос кого-то из этих певцов. – А потом, мне так думается, причина твоих страданий ни в Вале и ни в Лене, а в тебе самой.

– Это как? – спросила дочь.

– А так! – говорю я. – Я слушаю тебя и нахожу противо-

речия. Например, ты говоришь, что любишь Валентина, – и в тот же момент выдаёшь, что не простишь его. Слава богу, я не слышала, что ты его и Филатову убить хотела бы. И, надеюсь, что этого не произойдёт. Милая моя, о какой любви тут можно говорить?! Человек любящий непременно должен прощать, даже если порой бывает очень больно. А ты, пока тебе сладенько было, так ты и радостной ходила; а как горечи хлебнул, так и жизнь тебе немила, и любимый – подонок, и новая его подруга – кукла безмозглая. Я, конечно, согласна, Валя обошёлся с тобой очень непорядочно. Однако твоё поведение в чём-то похоже на поведение обиженного ребёнка, у которого отняли его игрушку. И вот он плачет, требует, чтобы ему вернули эту игрушку, ему предлагают другие, но он их отбрасывает и требует ту, которую отняли. Вот и ты хочешь, чтобы Валя был с тобой, и готова ради этого злиться, плакать, ныть, жалеть себя... А нет бы, найти себе парня получше! А Валу простить и отпустить с миром.

– Да разве это можно простить? – спросила Лиза.

– А знаешь, – говорю я Лизе, вспомнив нечаянно свой курортный роман 16-летней давности, – когда я была немного моложе и ездила на море, то тоже влюбилась в одного красивого мужчину. Звали его Григорием Печерским. Он мне тогда очень понравился: высокий, темноволосый, зеленоглазый... Просто русский Ален Делон! Мы познакомились в кафе на набережной, где я отдыхала. Он подошёл ко мне и при-

гласил потанцевать – я согласилась. Почему бы нет! Разговорились, понравились друг другу – стали встречаться. Григорий очень красиво за мной ухаживал, цветы дарил, сонеты Шекспира читал, даже однажды серенаду рискнул мне спеть. И пел хорошо! Словом, мы много времени проводили вместе с первой же встречи: вместе ходили на пляж рано утром, пока там ни души, вместе завтракали, обедали, гуляли, ходили в кино, ездили на разные экскурсии и так далее. Благо, по словам Гриши, он был не женат, я тоже была свободна. Да, я была влюблена в этого человека, мне было с ним всегда радостно, тепло, хорошо и спокойно. Помню, как однажды бабахнула гроза (чего я боюсь до смерти!) – так Григорий тогда остался со мной на ночь, дабы мне было не так страшно. Да, я, конечно, понимала, что наш роман закончится – и мы разъедемся по своим городам... Но не думала, что наш роман закончится вот так: мы с Григорием договорились встретиться на набережной и погулять. Я пришла и вижу, как он разговаривает с блондиночкой, немного похожей на одну очень известную телеведущую с канала НТВ. У неё были такие же длинные, прямые волосы, большие, светлые глаза и такое же кукольное лицо. Она была одета в цветастый сарафан и белые шлёпки. Я увидела, как они любовно смотрели друг на друга, целовались... И мне вдруг стало и так больно, будто бы меня неожиданно сильно ударили в грудь. Собрав последние силы, я подошла к ним и, поздоровавшись, попросила Гришу представить мне молодую женщину.

– Ляля, жена Гриши, – сказала она первая каким-то сладким и противным голосом. И тут у меня был ещё больший шок.

– Жена? – спросила я, не веря ушам.

– Ну, да, – сказала Ляля. У Гриши было лицо, как у нашкодившего мальчишки, когда я взглянула на него.

– Милый мой, как мне это всё понимать? – спросила я его спокойно, хотя и не без злости. Он немного помялся, после чего сказал следующее:

– Оленька, милая, послушай меня, пожалуйста! Да, Ляля – моя жена. Просто у нас с ней такое хобби, если хочешь: мы каждое лето уезжаем по разным курортам и там позволяем себе короткие романы с отдыхающими. Спросишь – зачем? Да чтобы скучно не было, ну, и для новых впечатлений. А на кого мужчина или женщина верней пойдут? Конечно, на тех, кто свободны. Так получилось, что кавалер Ляли скоро уехал. Да и она очень соскучилась – вот и приехала ко мне.

Выслушав этот монолог, я ответила так:

– Знаешь, я, наверно, старомодная дура, но я не понимаю, почему, даже если ты изменяешь жене или мужу, нужно врать тому, с кем ты изменяешь, что не женат или не замужем? Не знаю, для кого как, а для меня эта ситуация более мерзка, чем если бы я знала, что у меня роман с женатым мужчиной. Заметь, я тебе не врала, что не замужем, а ты соврал – и мне с тобой больше не о чем говорить. Прощай!

Сказав всё это, я ушла в гостиницу. Запершись в номе-

ре, повалилась на кровать и долго плакала. Было ощущение, что меня саму раздавили, растоптали и растёрли по асфальту, а мою душу так, прошу прощения, изгадили, что её уже никогда не отмыть. Придя себя, я обо всём этом написала в письме Вере Ермолаевой, а она мне в ответе написала такие стихи:

*«Отпусти любовь с улыбкой,
Без обиды и без боли,
Не зовя её ошибкой,
Пусть летит себе на волю!
Не суди бывшее строго,
Не кричи: “О, что за муки!”,
Не сердись – тогда от бога
Помощи получишь руку».*

Не скрою, я сперва восприняла эти строки, как издёвку и едва не написала Вере: «Какие тут, к чёрту, улыбки!». Да опомнилась и подумала: «А Вере разве не тяжело воспитывать дочь с ДЦП? А ей не больно, что её муж бросил, не желая нести с ней этот крест? Однако же Вера не ноет, не дуетя и не злится, а живёт, любя эту жизнь, любя свою Соньку. Да и та растёт назло всем болезням весёлым и общительным человечком. Так что, Оленька, вытри сопли, успокойся и живи! Что до Гриши... Постарайся его простить; хотят бы просто для того, чтобы тебе было легче. А потом, разве до этого эпизода тебе было с ним плохо? Нет. Вот и возьми на память эти счастливые дни и отпусти любовь с улыбкой! В

конце концов, кто его знает, может, Бог пошлёт тебе человека, которого ты полюбишь во сто крат сильнее, чем того, о котором ты сейчас плачешь». И, написав Вере «спасибо за поддержку», я успокоилась и уснула. На другой день, поздно утром я пошла гулять и меня остановил администратор, вручая записку. Там было написано: «Мы уехали. Всего тебе хорошего и прощай! Гриша». «Что ж, – думаю, – и тебе всего хорошего!».

– Мама, а Бог послал тебе человека, которого ты полюбила сильнее прежнего? – спросила Лиза, когда я закончила свой рассказ.

– А как же! – говорю я. – Вот он, гуляет со мной по парку. И я его очень люблю.

– Я тоже люблю тебя, мамочка! – сказала дочь, целуя мне щёку.

Лиза простила Валю и больше не злится на него. Отныне она встречается с Денисом Крапивинным из того же 10-го А.
28 04 2016г.

«Прости, если любишь».

Повесть.

От автора.

Не надо думать, что мне не даёт покоя слава Гоголя или Дюма-отца – и потому я решил написать продолжение истории о Татьяне Чайкиной и её юной подруге Маше, которые за время совместного путешествия стали близки друг

другу. Помилуй, бог! Слава этих двух гениев останется мной нетронутой. Что же касается моей идеи написать продолжение этой истории – то для меня это своего рода эксперимент: мне просто в какой-то момент после написания первой повести об этих героинях стало интересно, во-первых, смогу ли я это сделать и что у меня из этого получится; а, во-вторых, я хотел взглянуть на то, как сложатся судьбы моих героинь после их поездки на море, будут ли они близки, да и вообще, кто чего будет достоин. Так и хочется процитировать Высоцкого: «парня в горы тяни – рискни!». И хотя в моей повести не парни, а женщины да и по горам им лазить не доведётся, но испытаний у них и того будет выше крыши. И, пожалуй, самым главными среди них я бы назвал три: испытание бедой, в которой окажутся обе героини; испытание мужеством одной из них, чтобы признать свои ошибки и попросить за них прощение; и испытание мудростью и любовью другой, чтобы суметь простить. Собственно, поэтому повесть и называется «Прости, если любишь»: потому что нелюбящий человек прощать не может и не будет никогда. И я хочу пожелать моим читателям в конце своего вступления любить друг друга и уметь прощать.

Ваш А. Х.

19-го августа 2017г.

1

Историю, которую я хочу рассказать, пожалуй, можно от-

нести к разряду детективных, поскольку она имеет довольно сильно закрученный сюжет. Однако, едва ли я могла подумать о том, что главными героинями в этой истории окажемся я и Маша, к которой я тогда уже относилась, как к своей дочери. Впрочем, и Маша тоже об этом не думала. И всё же судьбе зачем-то было угодно провести нас через испытание, о котором я сейчас вам и расскажу.

Пожалуй, следует начать с предыстории. Надо сказать, что мы с Машей после той поездки частенько или списывались, или созванивались, а иной раз и увидеться могли, поехать в воскресенье на озеро купаться... Словом, мы начали жить! Правда, она меня пока ещё называла тётёй Таней, но мне это было неважно. Самое главное, что я не чувствовала себя одинокой на этом свете, что рядом со мной был человек, любимый мной и любящий меня, и больше мне ничего не нужно! Соседям и знакомым я представила Машу, как курортную приятельницу. Как и следовало предполагать, было немало разговоров. Мне тут же стали промывать мозги на тему, что Маша аферистка, что она меня обворует и оставит на улице... Помню, один такой разговор случился, когда Маша была у меня в гостях. И затеяла его одна моя знакомая, у которой сроду не было ни котёнка, ни ребёнка, и которая всегда жила ради себя и своей карьеры. Маша это, к несчастью, услышала – её это жестоко обидело и разгорелся большой скандал.

– Как вам не совестно такое говорить? – взорвалась Маша,

влетев в гостиную и налетев на мою знакомую.

– Девушка, а вас хорошим манерам не учили? – спросила та. – Я между прочим с вами не разговаривала. А вы вмешались в чужой разговор.

– Со мной вы не разговаривали – это верно, – согласилась Маша. – Но вы говорили обо мне, показывая меня тёте Тане воровкой в данном разговоре, и мне это очень неприятно.

– Смотрите, какие барышни! – съязвила знакомая. – Ну, сказала я про вас и что? Да все вы одним миром мазаны! Все вы, особенно такие соплячки, как вы, мечтаете найти себе богатого или богатую «папочку» или «мамочку» с хорошей квартирой, привяжетесь к ним, «окучиваете» их, опаиваете, а потом они отписывают вам своё жильё – и вы их кончаете или делаете бомжами.

– Да я за свою жизнь, слава богу, ни у кого копейку не украла, а если было надо – могла своё отдать до последнего... – сказала Маша, почти плача.

– А это дело времени, – неумолимо отвечала знакомая.

– Маша, пойди, пожалуйста, в свою комнату! – сказала я как можно спокойнее. – Мы с тобой попозже обо всём поговорим.

– Да пошли бы вы с вашими разговорами! – последовал ответ Маши.

Сказав это, Маша ушла от меня в слезах. Хотя она приходила ко мне с намерением заночевать у меня и провести со мной будущее воскресенье.

Когда захлопнулась дверь – тут уже я сама набросилась на сидевшую ещё у меня мою знакомую:

– Довольна?! Какого чёрта ты вообще завела эту шарманку? Теперь я сиди и думай, что она и как она... Знаешь, если уж Маша меня когда-нибудь всё же обворует – то так мне и надо, старой дуре! И к тебе плакаться в этом случае я не побегу, не бойся! А теперь уходи отсюда!

– Да пожалуйста! – сказала моя гостья и ушла.

Почти весь остаток вечера я не могла найти себе места, думая о том, где Маша. Я пыталась её вызвонить, чтобы просто знать, что она жива и здорова... Но абонент был временно не доступен. Приняв на всякий случай валидол, я села на диван и стала читать, дабы хоть как-то отвлечься от тревоги; однако мобильник держала возле себя, чтобы, если потребуется, звонить до полночи, но добиться положительного результата! Впрочем, был и совсем крайний вариант – это вызвать такси и поехать к Маше домой. И я решила, что если до полдвенадцатого звонка от Маши не будет или я до неё не дозвонюсь, то я поеду к ней. Слава богу, в одиннадцать-пятнадцать зазвонил телефон! На экране светилось имя Маши.

– Алло, Маша! Ты где? – почти проорала я в телефон.

– Добрый вечер, это не Маша, – ответил чужой женский голос. – Это Саша, соседка Маши. А вы, я понимаю, тётя Таня?

– Да, она самая, – отвечаю я, забыв поздороваться. – А где Маша?

– Маша у себя дома, – ответила Саша, – просто она сейчас говорить не может толком.

– А что с ней? – спросила я.

– Да ничего серьёзного! Она просто немножко пьяна, – сказала Саша. Я обалдела после этой фразы. Думаю – «Ничего себе, девочка номера выделяет!».

– Я сейчас приеду, – сказала я и повесила трубку.

Так что вариант с такси всё же пригодился, но немного с другой целью.

Приехав к Маше домой и позвонив в дверь, я тотчас увидела на пороге высокую, светловолосую девушку в очках. По портретным описаниям Маши я поняла, что передо мной Саша Берестова. Мы поздоровались и она впустила меня в квартиру. В разговоре Саша рассказала, что когда они с сестрой готовились спать, к ним позвонила другая соседка с их площадки и сказала, что Маша лежит на лестнице и ей плохо. Те, как были в пижамах, так и выбежали, нашли Машу, Света тут же проверила пульс и похлопала по щекам... И когда Маша подала признаки жизни, всё стало ясно: девушка была пьяной в дрезину. Тем временем на лестницу вышел муж той же соседки, вызванный ей же. Он к тому же врач «Скорой помощи». Однако его помощи, как врача, не потребовалось, а вот его помощь, как мужчины, чтобы дотащить Машу до квартиры, оказалась кстати. Саша, взяв из сумки

Маши ключи, пошла вперёд, чтобы отпереть двери, а Света с мужем соседки тащили это горе луковое до места.

– Как её никто не обворовал, – сказала Саша, кончая свой рассказ. – Честно говоря, мы со Светкой были в шоке, когда увидели Машу в таком виде. Она ведь к вам собиралась ехать – где она умудрилась так «накачаться»?

– Это мы выясним только утром, – сказала я. – Саша, скажите, пожалуйста: это Маша попросила вас мне позвонить?

– Какое там! – воскликнула Саша. – Она «мама» сказать не могла. Правда, уходя к вам, она дала мне ваш номер на тот случай, если в квартире, не дай бог, что-то будет, а её телефон разрядится. А тут я сама залезла в её мобильник и позвонила, думая, что вы, наверно, волнуетесь за свою племяшку.

– Вы всё правильно сделали, Саша! – сказала я. – Спасибо вам и спокойной ночи!

– И вам спокойной ночи! – ответила Саша. – Нужна будет помощь – звоните в дверь сбоку.

– Спасибо, – сказала я. – Будем надеяться, что обойдёмся своими силами.

Саша ушла. Проводив её и закрыв дверь, я вернулась в гостиную (которая была ещё и спальней), взглянула на разложенный, застеленный постелью диван, где спало моё пьяное сокровище, и подумала: «Слава тебе, Господи, что она жива и невредима!». Подумав так, я невольно заплакала... Понимайте это, как хотите! Подойдя к спящей Маше, я осторожно

провела один раз рукой по её голове, ещё раз посмотрела на неё, улыбнулась... А после направилась к стоящему напротив креслу, села в него да и уснула тотчас.

Наступило утро. Я проснулась, как всегда, рано. Привычка – и тут ничего не поделаешь! Даже в воскресенье меня в постели не удержишь дольше, чем до шести утра, если только не привязать к ней чем-нибудь. Зато я много чего за это время могла сделать: повернуть стирку, приготовить завтрак и так далее. Вот и в то утро у Маши я решила не терять зря время и пойти кашу хотя бы приготовить да чай заварить. Маша ещё спала. Одеяло на половину сползло с неё на пол – и я, увидев это, сперва подошла к постели Маши и бережно накрыла мою девочку, после чего вышла в кухню. Осмотрев стоящий рядом со входом в кухню холодильник, я нашла бутылку молока и бутылку кефира. Нет, разумеется, были ещё кое-какие продукты, как, скажем, коробка яиц, докторская колбаса, граммов триста, где-то столько же сыра, пакетик творога, даже овощи и фрукты лежали в ящике... Так что, друзья мои, не надо сразу делать ошалевшие от ужаса глаза и думать, будто бы Маша голодом живёт, а я ни сном, ни духом. Просто мне что первое попало на глаза – то я и назвала. Молоко было в норме – и потому для каши годилось, а кефирчик слегка подкис – и я решила сделать ещё оладушки. Посмотрев полки, висевшие рядом с хо-

лодильником, и узкий шкаф-пенал, я нашла всё, что было нужно, включая и овсяную крупу. Не торопясь, я поставила на огонь ковшик с молоком и стала варить овсянку. Через некоторое время слышу шаги – Маша выползла из комнаты и направилась в уборную. Думаю, не стоит говорить о том, что происходило там с несчастной девочкой. Я, бросив ненадолго кашу, включила чайник, чтобы заварить чаю (что ж я, дура, сразу не сообразила?).

– Доброе утро, Маша! – сказала я, когда она, умытая, переползла на кухню.

– Тётъ Тань, ты? – спросила Маша, уставившись на меня, будто не узнала.

– А кто ещё? – говорю я мягко. – Чаю хочешь?

Маша кивнула.

– Вот, пей! – сказала я, показывая на кружку. – А завтракать будешь?

– Если и буду – то чуть позже, – ответила Маша. – Господи, как башка болит! Тётя Таня, в шкафу, на дне стоит маленький ящик с таблетками – дай, пожалуйста!

Я достала этот ящик, Маша приняла обезболивающее, после просто некоторое время сидела молча.

– А ты как ко мне попала, тётя Таня? – спросила она, прервав паузу. Я в двух словах рассказала про всё, что было минувшим вечером.

– Так что скажи спасибо всем своим соседям, что не дали тебе пропасть! – сказала я в заключении.

– Да уж! – угрюмо сказала Маша, отпив из кружки. – Тётя Таня, я, мне кажется, вчера ещё и тебя обидела... Ты прости меня, пожалуйста!

– Я давно тебя простила, – с улыбкой сказала я и обняла Машу. – Хотя надо бы тебе всыпать ремня хорошего за то, что ты тут нам всем устроила.

Признаться, сказав последнюю фразу, я невольно усмехнулась сама себе: «Кто бы говорил про «всыпать»! Ты свою Анютку за всю жизнь даже и ладошкой не шлёпнула, а лишь устно ругала, если распускалась. Так что молчала бы, всыпучка!». Надо сказать, меня в определённом смысле порадовало, что Маша вспомнила о нашей ссоре: это означало, что у неё просто похмелье или отравление, без какого-либо более серьёзного вреда для памяти и психики. На мой вопрос, где она умудрилась так напиться, Маша рассказала вот что:

– После того, как мы с тобой поссорились, я пошла, было, домой. Однако по дороге мне позвонила моя однокашница по детдому Люба Комарова, ныне молодая поэтесса, выпустившая буквально только что свой первый сборник, и позвала меня в гости, чтобы слегка отметить это событие. Поверишь или нет, но я так обрадовалась Любкиному звонку, что вся обида тогда ушла долой! И я поехала к ней главным образом ради того, чтобы просто увидеться подругой. И вроде винишко пили мы потихоньку, и поесть было... С чего я так окосела? Самое интересное, я помню, как Люба такси вызвала, как я туда залезла, сказала, куда ехать... То есть,

я была хотя и пьяной, но понимала, что делаю. А вот как в подъезд попала – не помню.

– Очевидно, ты дорогой уснула крепко и таксист, довезя тебя до места, вытащил, допёр до лестницы и положил там, – заключила я за Машу. – Ох, ёлки-моталки! Знаешь, Саша вчера удивлялась, как тебя не обворовали, а я, выслушав сейчас всё это, удивляюсь, как тебя не изнасиловали вдобавок, идиотку, или не убили. Ты понимаешь, как ты вчера могла влипнуть? Какого лешего ты не осталась у Любы, попёрлась ночью домой на такси? Приключений искала на свою задницу? Господи, прости! А ты подумала своей дурацкой башкой, что было бы со мной, с Сашей и Светой после этих твоих приключений? Одно слово – критинка!

Едва я закончила свой гневный монолог, как увидела, что Маша заплакала. Стыдно стало девчонке. Я села рядом.

– Всё, всё, успокойся! – сказала я прежним, мягким том, обняв её.

– Тётя Танечка, любимая моя, голубушка, прости меня ради бога! Прости, пожалуйста! – говорила она сквозь слёзы, целуя моё лицо. – Я больше так не буду делать никогда!

И я простила, поцеловав Машу в обе щеки, после чего мы ещё раз обнялись и наконец стали завтракать. С тех пор Маша, даже по праздникам, ничего крепче кваса в рот не брала. Мало-помалу Маша начала приходить в норму, стала улыбаться, даже решила прибраться в квартире, пока я пекла оладьи. Ближе к обеду пожаловали Саша и Света, чтобы про-

ведать больную. Маша им и впрямь обрадовалась, как сёстрам, обняв и поцеловав обеих девушек, и те поцеловали её в ответ, после чего все прошли в гостиную. Знаете, мне было радостно это видеть! Дай бог этим девочкам дружить так тепло ещё долго! Признаюсь честно, я краем уха нечаянно услышала их разговор и потому передаю его вам, как есть:

– Ну, ты как, сестрёнка? – спросила Саша.

– Да, слава богу, оклемалась! – ответила Маша. – Девчонки, спасибо вам за помощь.

– Да не за что! – сказала Света. – Хотя и напугала ты нас всех вчера! Мы думали, тебе плохо... Ты где вчера так отличиться умудрилась? – Как я поняла, Саша, вероятно, одёрнула Свету, так как ответа Маши на вопрос не последовало. В самом деле, вопрос был бестактным.

– Да, слава богу, что всё кончилось хорошо! – сказала Саша.

– Это верно! – согласилась Маша.

Я вошла в комнату и позвала девочек обедать.

– Спасибо, тётя Таня, – сказала Саша. – Но нам нужно в гости успеть к подружке. Мы пораньше вышли, чтобы Машу проведать заодно. А ты, Машуля, выздоравливай, а то нам скучно без тебя гулять!

– Я обещаю, – с улыбкой ответила Маша.

Мы простились и девочки ушли. Пообедав, и мы с Машей решили поехать в парк погулять, благо, на улице было не жарко, да и Маше, как она сказала, было бы не плохо про-

ветриться.

В парке было хорошо! Стояла мягкая прохлада, воробьи чирикают, ребяшня, отравившейся от своих родителей, резвится на площадке и кричит... Иногда даже казалось, что беспёрые «воробьи» перекрикивают пернатых. Родители, кто на лавочке сидел и за чадами смотрел, а кто прогуливался недалеко от площадки, при этом тоже смотря за детьми. Мы с Машей не спеша ходили по парковой аллее и болтали о разных мелочах, которые могли прийти нам в голову. И нам было в этот момент хорошо, потому что мы были рядом, как близкие и дорогие друг другу люди. Но едва ли мы обе представляли себе, какие ещё испытания нам выпадет пройти. Вернувшись домой к Машей, мы с ней решили расстаться, так как мне надо было ехать к себе, чтобы подготовиться работе.

– Тётя Таня, ты меня правда простила? – спросила она, прощаясь.

– Конечно! – ответила я.

– Я тебя люблю, – сказала Маша, обняв меня.

– И я тебя, моя милая, – ответила я. Мы обменялись поцелуями, Маша вышла из машины и, помахав рукой, вошла в подъезд, а я поехала домой.

Когда я приехала и, выйдя из машины, направилась к подъезду, то увидела возле своей двери небольшую собачон-

ку. Какой она породы – я не знаю, но у неё был тёмно-коричневый окрас. Увидев меня, животное подбежало ко мне и, глядя мне в глаза свои грустными и красивыми глазами, жалобно проскулило: «подайте, мол, добрая женщина, хоть крошечку хлеба!». Ей-богу, мне её так жалко стало... И, как назло, дать было нечего, так как я в магазин не заехала – поленилась. Не долго думая, забрала собаку к себе (к слову сказать, она была, простите, сухой!). Поднявшись на свой этаж, я встретила Михал Михалыча, идущего навстречу.

– Здравствуй, Танюша! – сказал он с тёплой, отеческой улыбкой.

– Здравствуйте! – ответила я. – Гулять пошли?

– Да надо бы кости размять, – сказал Михал Михалыч. – А ты, я смотрю, не одна пришла. – Да, это моя новая подружка, – сказала я. – Зовут Каштанка.

Как вы понимаете, кличку собаке я дала на ходу. А почему Каштанка? Отчасти из-за её окраса, да потом самым любимым рассказом Чехова у меня была «Каштанка».

– Тань, погоди! – сказал радостно Михал Михалыч. – Я сейчас принесу тебе кое-какие вещички.

Он ловко юркнул в свою квартиру и через пять минут вышел оттуда с поводком, ошейником, намордником, собачьими чашками и сухим собачьим кормом.

– Возьми, пожалуйста! – сказал Михал Михалыч. Я слегка растерялась. – Возьми, возьми! Всё равно мой Акелла помер – так хоть вам это сгодится.

– Как помер! – удивилась я.

– Да это ещё в твой отъезд было, – сказал Михал Михалыч. – Отравила одна гадина с соседней дачи лишь за то, что он лаял на проезжающие машины или на прохожих.

– Ой, как жаль, – сказала я.

– Да уж, – сказал Михал Михалыч. – Но наша жизнь продолжается – и потому будем жить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.